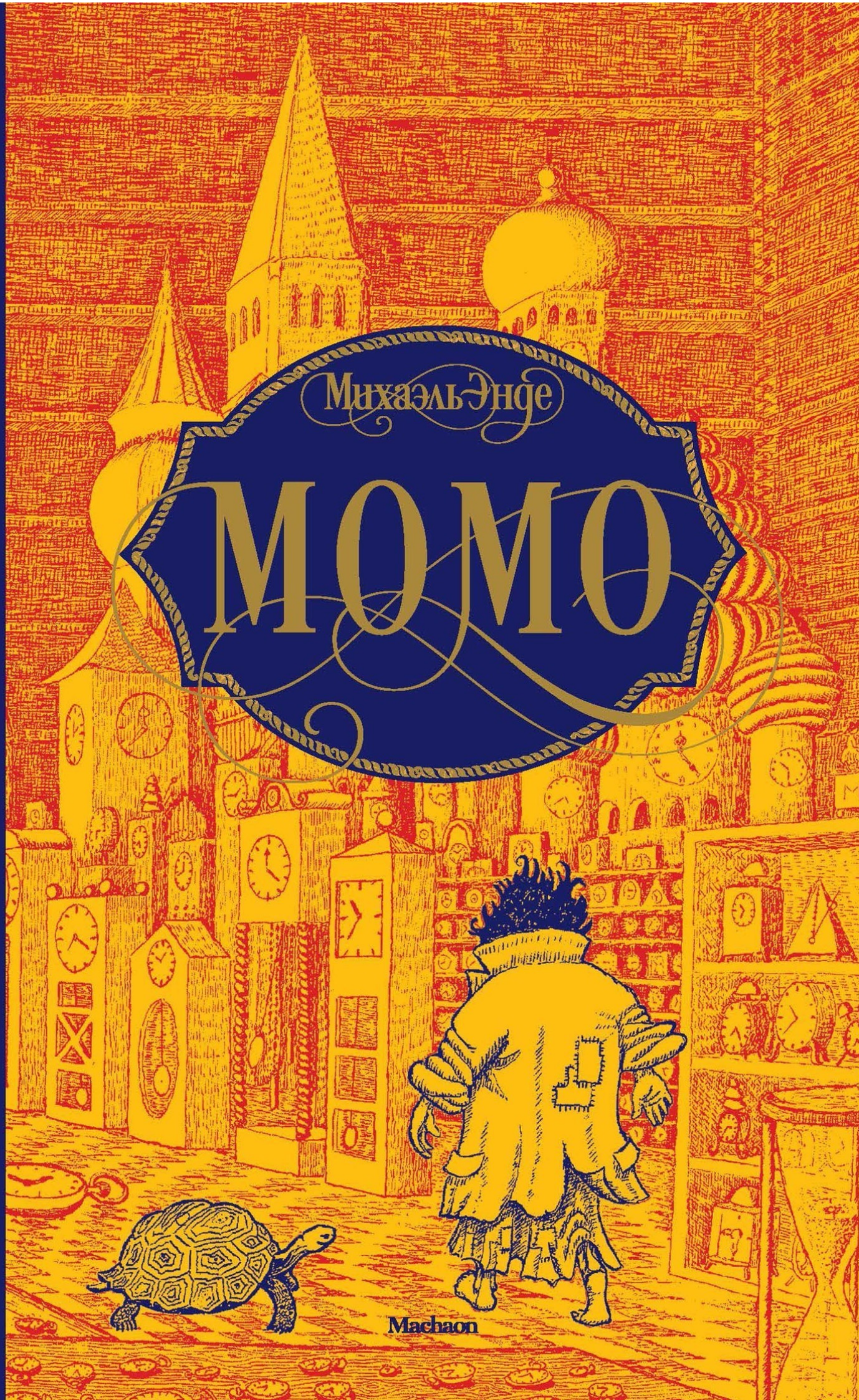

Михаэль Энде

МОМО

Machaon

Михаэль Энде

Момо

«Азбука-Аттикус»

1973

УДК 821.112.2-312.9-93
ББК 84 (4Гем)-44

Энде М. А.

Момо / М. А. Энде — «Азбука-Аттикус», 1973

ISBN 978-5-389-17655-3

Написанная в 1973 году, книга известного немецкого писателя Михаэля Энде сегодня звучит как нельзя более современно. В ней рассказывается об удивительной девочке Момо, обладавшей редким даром — слушать других людей. В мужском пиджаке с подвёрнутыми рукавами, с Цветком Времени и черепахой под мышкой, она вступает в неравную борьбу с жестоким миром Серых господ, с миром прагматиков и материалистов, забывших о настоящих человеческих ценностях, о доброте и сочувствии к ближнему. Книга оформлена рисунками автора.

УДК 821.112.2-312.9-93

ББК 84 (4Гем)-44

ISBN 978-5-389-17655-3

© Энде М. А., 1973
© Азбука-Аттикус, 1973

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвёртая	20
Глава пятая	24
Часть вторая	29
Глава шестая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Михаэль Энде

Момо. Повесть-сказка

*В темноте виден свет, словно чудо.
Виден свет – но не знаю, откуда.
То далёк он, то будто – вот тут...
Я не знаю, как свет тот зовут.
Только – кто б ни была ты, звезда, —
Ты, как раньше, свети мне всегда!*

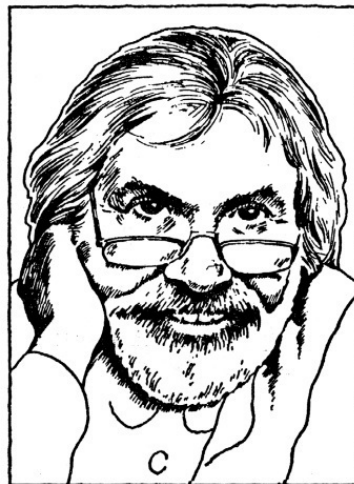
Ирландская детская песенка

MICHAEL ENDE

MOMO

oder

Die Seltsame Geschichte von den Zeit-Dieben und von dem Kind, das den Menschen die gestohlene Zeit zurückbrachte

Michael Ende, MOMO

© 1973, 2005 by Thienemann Verlag

(Thienemann Verlag GmbH), Stuttgart / Wien.

© Коринец Ю. И., наследники, перевод на русский язык, 2019

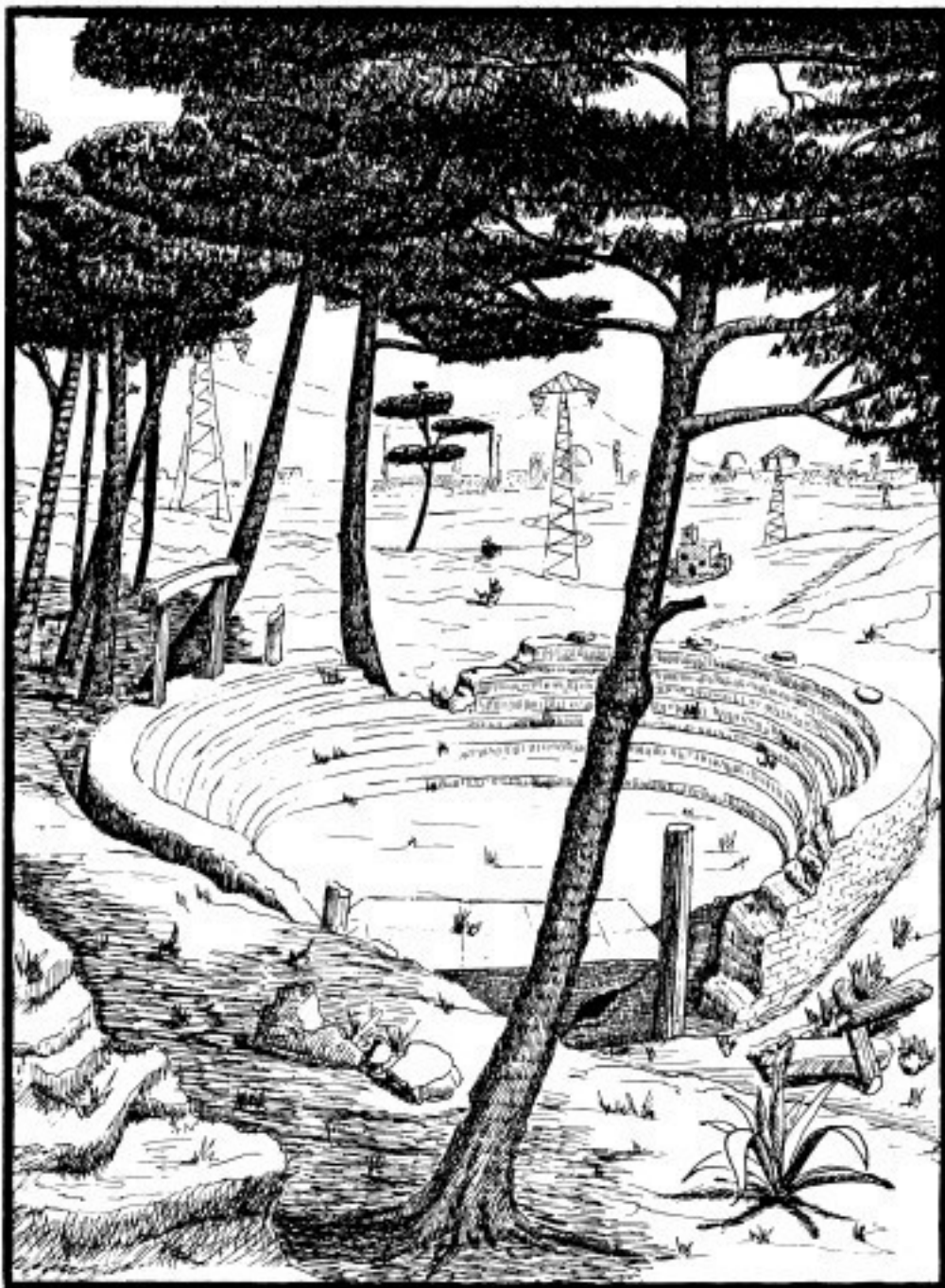
© Издание на русском языке. Оформление.

ООО «Издательская Группа

«Азбука-Аттикус», 2019

Machaon®

Часть первая Момо и её друзья

Глава первая Большой город и маленькая девочка

В давние-предавние времена, когда люди ещё говорили на совсем забытых ныне языках, в тёплых странах уже существовали большие и прекрасные города. Там возвышались дворцы королей и императоров; тянулись из конца в конец широкие улицы; извивались узкие пере-

улочки и тупички; стояли великолепные храмы с золотыми и мраморными статуями богов; шумели пёстрые базары, где предлагали товары со всех концов света; простирались широкие площади, где люди обсуждали новости, произносили или просто слушали речи. Но прежде всего славились эти города своими театрами.

Театры эти похожи были на нынешний цирк, только построенный целиком из камня. Ряды для зрителей располагались ступеньками друг над другом, как в огромной воронке. И если поглядеть сверху, то одни из этих строений были круглыми, другие образовывали овал или половину круга. Называли их амфитеатрами.

Некоторые из них были огромные, как футбольный стадион, другие вмещали не больше двух сотен зрителей. Одни были роскошными, с колоннами и статуями, другие скромными, без всяких украшений. Крыш у амфитеатров не было, все представления давались под открытым небом. Впрочем, в театрах побогаче над рядами натягивали золототканые ковры, чтобы защитить публику от солнечного зноя или внезапного дождя. В театрах победнее этому же служили тростниковые или соломенные циновки. Одним словом, имелись театры для богатых и театры для бедных. Их посещали все, потому что все были страстными слушателями и зрителями.

И когда люди, затаив дыхание, следили за смешными или грустными событиями, которые происходили на сцене, им казалось, что эта только представляемая жизнь каким-то таинственным образом кажется более правдивой, истинной и намного интереснее, чем их собственная, повседневная. И они любили внимать этой иной действительности.

С тех пор прошли тысячелетия. Города исчезли, дворцы и храмы разрушились. Ветер и дождь, жара и холод отполировали и выветрили камни, от больших театров остались развалины. В старых, потрескавшихся стенах теперь только цикады поют свою монотонную песню, похожую на дыхание спящей земли.

Но некоторые из этих старинных городов сохранились и поныне. Конечно, жизнь в них изменилась. Люди ездят в автомобилях и поездах, у них телефон и электричество. Но иногда среди новых зданий можно и сегодня ещё увидеть древние колонны, арку, кусок крепостной стены или амфитеатр тех далёких дней.

В одном из таких городов и случилась эта история.

На южной окраине большого города, там, где начинаются поля, а дома и постройки становятся всё беднее, спрятались в пиниевом лесочке развалины маленького амфитеатра. Он и в древности не казался роскошным, это был театр для бедных. А в наши дни, то есть в те дни, когда началась эта история с Момо, о развалинах почти никто не помнил. Об этом театре знали только знатоки древности, но и для них он не представлял интереса – ведь изучать там было уже нечего. Иногда забредали сюда два-три туриста, лазили по заросшим травой каменным ступеням, переговаривались, щёлкали фотоаппаратами и уходили. В каменную воронку возвращалась тишина, цикады начинали следующую строфу своей бесконечной песни, точь-в-точь такую же, как предыдущие.

Чаще всего бывали здесь окрестные жители, давно знавшие это место. Они оставляли здесь пастись своих коз, а дети играли в мяч на круглой площадке, в середине амфитеатра. Иногда встречались тут по вечерам и влюблённые парочки.

Однажды прошёл слух, что в развалинах кто-то живёт. Говорили, что это ребёнок, маленькая девочка, но толком никто ничего не знал. Звали её, кажется, Момо.

Выглядела Момо немного странно. На людей, ценивших аккуратность и чистоту, она действовала пугающе. Она была маленькая и худая, и трудно было угадать, сколько ей лет – восемь или двенадцать. У неё были буйные, иссиня-чёрные кудри, которых, очевидно, никогда не касались ни гребень, ни ножницы, большие, удивительно красивые глаза, тоже чёрные, и такого же цвета ноги, потому что она всегда бегала босиком. Зимой она изредка надевала ботинки, но они были ей велики, да к тому же ещё и разные. Ведь свои вещи Момо или где-то нашла, или

получила в подарок. Её длинная, до щиколоток, юбка была сшита из цветных кусков. Сверху Момо носила слишком для неё просторный старый мужской пиджак, рукава которого она всегда закатывала. Отрезать их Момо не хотела, она думала о том, что скоро вырастет и кто знает, попадётся ли ей когда-нибудь снова такой замечательный пиджак, в котором так много карманов.

Под заросшей бурьяном театральной сценой находилось несколько полуобвалившихся каморок, в которые можно было попасть через дыру в стене. Здесь Момо устроила себе дом. Как-то в обед к Момо пришли люди, несколько мужчин и женщин. Они хотели с ней поговорить. Момо стояла и испуганно смотрела на них, боясь, что они прогонят её отсюда. Но вскоре она поняла, что это добрые люди. Они сами были бедные и хорошо знали жизнь.

– Так, – сказал один из них, – тебе тут, значит, нравится?

– Да, – ответила Момо.

– И ты хотела бы здесь остаться?

– Да, очень.

– Разве тебя никто нигде не ждёт?

– Нет.

– Я хочу сказать: разве тебе не хочется вернуться домой?

– Мой дом здесь, – быстро ответила Момо.

– Но откуда ты?

Момо махнула рукой в неопределённом направлении, куда-то вдаль.

– Кто же твои родители? – продолжал выпытывать человек.

Чуть приподняв плечи, Момо растерянно взглянула на спрашивавшего. Люди переглянулись и вздохнули.

– Не бойся, – продолжал человек. – Мы вовсе не гоним тебя отсюда. Мы хотим тебе помочь.

Момо робко кивнула.

– Ты говоришь, тебя зовут Момо, не так ли?

– Да.

– Это красивое имя, хотя я его никогда не слышал. Кто дал тебе это имя?

– Я, – сказала Момо.

– Ты сама себя так назвала?

– Да.

– Когда же ты родилась?

– Сколько я себя помню, я была всегда, – немного подумав, ответила Момо.

– Неужели у тебя нет ни тёти, ни дяди, ни бабушки, никого, к кому бы ты могла пойти?

Некоторое время Момо молча смотрела на спрашивающего, потом прошептала:

– Мой дом здесь.

– Конечно, – сказал человек. – Но ведь ты ребёнок. Сколько же тебе лет?

– Сто, – неуверенно ответила Момо.

Люди рассмеялись, решив, что это шутка.

– Нет, серьёзно, сколько тебе лет?

– Сто два, – ответила Момо, всё ещё не совсем уверенно.

Наконец люди поняли, что Момо называет цифры, где-то услышанные, не представляя себе их смысла, ведь никто не учил её считать.

– Послушай-ка, – сказал всё тот же человек, посоветовавшись с другими, – хочешь, мы расскажем о тебе полиции? Тебя отправят в приют, там у тебя будет еда и постель, там тебя научат считать, писать, читать и многому другому. Что ты на это скажешь?

Момо испугалась.

– Нет, – ответила она. – Не хочу. Я там уже была. Там и другие дети были. На окнах решётки, и каждый день нас били – просто так, ни за что. Я перелезла ночью через забор и убежала. Я не хочу туда.

– Это я могу понять, – кивнув, сказал старик. И другие тоже кивнули.

– Ну, хорошо, – сказала одна из женщин, – но ты ещё совсем маленькая. Кто-то ведь должен о тебе заботиться.

– Я, – облегчённо ответила Момо.

– И ты это можешь? – спросила женщина.

– Мне много не надо, – тихо ответила Момо.

Люди опять переглянулись.

– Знаешь что, Момо, – предложил человек, говоривший сначала, – ты могла бы пристроиться у кого-нибудь из нас. У нас у самих тесно, у каждого куча детей, всех надо прокормить, но одним больше или меньше – разница невелика... Что ты об этом думаешь?

– Спасибо, – сказала Момо, в первый раз улыбнувшись. – Большое спасибо! А можно мне остаться тут? Можно?

Обсудив этот вопрос, люди решили, что девочка права. Здесь ребёнку будет не хуже, чем у любого из них, а заботиться о Момо они могут сообща, и это будет проще, чем если бы заботы достались одному.

И они сразу же принялись приводить в порядок полуразвалившуюся каморку, в которой поселилась Момо. Каменщик даже сложил в углу маленький очаг, выведя наружу ржавую трубу. Старик столяр сколотил из ящичных досок столик и два стула. А женщины принесли старую, украшенную завитками железную кровать, старый матрас и два одеяла. Из каменной дыры получилась маленькая уютная комнатка. Каменщик, обладавший талантом художника, нарисовал на стене букет цветов. Он нарисовал и раму и даже гвоздь, на котором висит картина.

А потом пришли дети этих людей и принесли кто кусочек сыра, кто булку, кто немного фруктов. И так как детей было много, то к вечеру набралось столько еды, что они закатили в амфитеатре в честь Момо настоящий банкет. И праздновали так весело, как это умеют только бедные люди.

Так вот и началась дружба маленькой Момо с окрестными жителями.

Глава вторая

Необычное свойство и совсем обычный спор

С тех пор маленькой Момо жилось хорошо, во всяком случае она так считала. Еда у неё теперь была всегда – иногда больше, иногда меньше, как придётся. У неё была крыша над головой, была кровать, она могла, когда становилось холодно, развести огонь. А самое главное: у неё теперь появилось много друзей.

Казалось, Момо просто повезло, что она встретила таких хороших людей, – и она сама была того же мнения. Но вскоре люди поняли: им повезло не меньше. Они уже не могли обойтись без Момо и удивлялись, как же это они жили без неё раньше. И чем чаще люди общались с маленькой девочкой, тем незамениее становилась она для них, так что они стали бояться, как бы она однажды не ушла.

У Момо теперь бывало много гостей. Почти всегда у неё кто-нибудь сидел и разговаривал с ней по душам. Те, кто не могли прийти к ней сами, посылали за ней. А тому, кто ещё не понимал, как она нужна, советовали: «Навести Момо!»

И как обычно говорят: «Всего вам хорошего!», или «Приятного аппетита!», или «Бог его знает!» – так же точно теперь стали говорить: «Навести Момо!»

Но почему? Может быть, Момо была такой умной, что могла дать каждому хороший совет? Умела утешать людей? Принимала мудрые и справедливые решения?

Нет, Момо, так же как и всякий другой ребёнок, не умела этого. Но может быть, она знала что-то такое, что приводило людей в хорошее настроение? Может быть, она очень хорошо пела? Играла на каком-нибудь инструменте? Или, может быть, она – раз уж жила в этом древнем цирке – умела танцевать или показывать фокусы?

Нет, ничего этого она не умела.

Может быть, она умела колдовать? Знала какое-нибудь таинственное заклинание, с помощью которого прогоняла все беды и заботы?

Нет.

Но что она действительно умела, как никто другой, так это слушать. Но ведь в этом нет ничего особенного, скажет иной читатель, слушать каждый умеет.

Но это заблуждение. По-настоящему слушать умеют только очень немногие. А Момо умела слушать, как никто другой.

Момо, например, умела слушать так, что даже глупым людям приходили вдруг толковые мысли. И вовсе не потому, что она им что-нибудь говорила или о чём-нибудь спрашивала, нет – она просто сидела и очень доброжелательно и со всем вниманием слушала.

При этом она смотрела на собеседника своими большими тёмными глазами, и говоривший чувствовал, что ему вдруг приходят в голову мысли, которых он раньше в себе не подозревал.

Она слушала так, что беспомощные и нерешительные вдруг начинали понимать, чего именно им не хватает. Робкие чувствовали себя свободными и смелыми. А несчастные и угнетённые обретали надежду. И если кто-нибудь думал, что его жизнь бессмысленная ошибка, что он ничего не значащая песчинка и не представляет из себя никакой ценности и его так же просто заменить, как какой-нибудь разбитый горшок, если с этими мыслями он шёл к маленькой Момо, то, по мере того как он всё это ей рассказывал, ему вдруг таинственным образом становилось ясно, что он ошибается, что и он – такой, какой он есть, – один-единственный в своём роде и поэтому ценен для мира...

Вот как умела слушать Момо!

В один прекрасный день к ней пришли два человека, два соседа, которые насмерть разругались и не хотели больше друг с другом разговаривать. Им посоветовали навестить Момо – не годится соседям так враждовать. Оба сначала противились, но в конце концов всё же пошли.

Они сидели в амфитеатре мрачные, далеко друг от друга.

Один из них был каменщик, тот самый, что сложил в комнатке Момо печку и нарисовал замечательную картину на стене. Его звали Никола, это был силач с чёрными пышными усами. Другого звали Нино. Он был худой и на вид всегда усталый. Нино арендовал на краю города маленькую закусную, в которую по вечерам заглядывали старики, чтобы за стаканом вина вспомнить о былом. Нино и его толстая жена тоже были друзьями Момо и не раз приносили ей что-нибудь вкусное.

Когда Момо поняла, что они злы друг на друга, она никак не могла решить, к кому первому подойти, и, чтобы никого не обидеть, уселась на краю каменной сцены на равном расстоянии от обоих. Сидела, поглядывая то на одного, то на другого, и ждала, что будет дальше. Некоторые вещи требуют времени – время было единственным богатством Момо.

Долго просидели так оба врага молча, потом Никола вдруг встал и сказал:

– С меня хватит, зря, должно быть, я приходил. Но ты сама видишь, Момо, какой он! Чего ещё ждать?

И повернулся, чтобы уйти.

– Да, убирайся отсюда! – крикнул Нино. – Зачем ты вообще приходил? Я и не думаю мириться с преступником!

Никола обернулся, покраснев от гнева, как индюк.

– Кто преступник? – угрожающе спросил он, возвращаясь. – Повтори-ка ещё раз!

– Сколько хочешь! – крикнул Нино. – Ты думаешь, что, если ты силач, никто не осмелится сказать тебе правду? Да я выскажу её тебе в лицо! И пусть все слушают, кому охота! Давай начинай, подойди и убей меня, ты ведь один раз уже пытался!

– Жаль, что я этого не сделал! – заревел Никола, сжимая кулаки. – Ты видишь, Момо, как он врёт и злословит! А что я ему сделал? Схватил за шиворот и бросил в помойку позади его притона. Там и крыса не утонет!

Повернувшись опять к Нино, он крикнул:

– Очень жаль, что ты ещё жив!

Некоторое время продолжались взаимные обвинения, и Момо никак не могла понять, в чём, собственно, дело и почему они так не любят друг друга. Но постепенно выяснилось, что Никола поступил так потому, что Нино дал ему в присутствии гостей пощёчину, а пощёчина была следствием того, что Никола чуть не перебил всю посуду Нино.

– Неправда это! – защищался Никола. – Одну только кружку я об стенку трахнул, да и та всё равно была треснутая!

– Да, но это была моя кружка, понимаешь? – возразил Нино. – Ты не имел права так поступать!

Никола же считал, что поступил правильно, тем более что Нино задел его честь каменщика.

– Знаешь, что Нино обо мне говорил? – крикнул он Момо. – Он сказал, что я не в состоянии вывести прямой стены, потому что вечно пьян! И это, мол, у меня от прадеда, тот тоже таким был, это он строил Пизанскую башню, потому она и клонится набок.

– Но Никола! – ответил Нино. – Это же была шутка!

– Хороша шутка! – сердился Никола.

Выяснилось, что этой шуткой Нино только отплатил Никола за его зубоскальство – однажды утром на двери Нино появилась ярко-красная надпись: «Кто ни к чему не годен, становится трактирщиком». Тут уж Нино было не до смеха.

Некоторое время они всё ещё продолжали спор, чья шутка лучше, всё более распаляясь. Момо смотрела на них, широко открыв глаза, и они смутились, не зная, как оценить этот взгляд. Может, в душе девочка над ними смеётся? Или грустит? По её лицу понять это было нельзя. Но им вдруг показалось, будто они видят себя в зеркале, и обоим стало стыдно.

– Ладно, – сказал Никола. – Я, пожалуй, не должен был писать такое на твоей двери. Я бы и не сделал этого, если бы ты не отказался налить мне стакан вина. Это было противозаконно, понимаешь? Я всегда аккуратно платил, и у тебя не было повода так со мной обращаться.

– Не было повода? – воскликнул Нино. – А помнишь историю со святым Антонием? А-а, вот ты и побледнел! Ты хотел меня облапошить, а этого я никому не позволю!

– Я – тебя? – возмущённо крикнул Никола. – А не наоборот? Ты хотел мне свинью подложить, да не вышло!

Дело было в следующем: в закуской Нино висела на стене картина с изображением святого Антония. Это была репродукция, которую Нино вырезал из журнала и вставил в раму.

Никола, которому картина будто бы очень понравилась, захотел её выменять. Нино, ловко торгуясь, довёл дело до того, что Никола оставался, конечно, в явном проигрыше. Они ударили по рукам.

Но позже выяснилось, что между картиной и картонным задником рамы спрятаны были деньги, о которых Нино ничего не знал. Тут в проигрыше вдруг оказался Нино, и это его разозлило. Короче, он потребовал спрятанные деньги, ведь они не были предусмотрены сделкой. Никола противился, и тогда Нино перестал отпускать ему вино. Это и послужило началом ссоры.

Проследив от конца до начала всю историю своих отношений, они на некоторое время умолкли.

После паузы Нино спросил:

– Скажи честно, Никола, знал ты перед сделкой об этих деньгах или нет?

– Конечно, знал, иначе я не стал бы меняться.

– Значит, ты признаёшься, что обманул меня!

– Почему? А разве ты ничего не знал об этих деньгах?

– Нет, честное слово!

– Ну, вот видишь! Значит, ты всё равно хотел провести меня! Иначе как мог ты взять у меня за никчемный кусок бумаги радиоприёмник? А?

– А откуда ты знал про деньги?

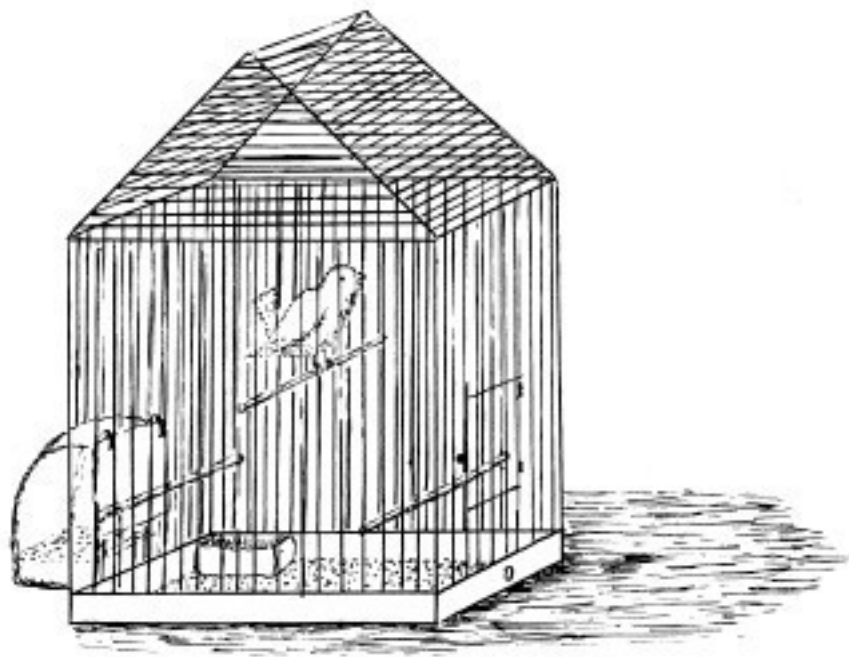
– Я видел, как за два дня до этого один посетитель положил их туда – пожертвовал святому Антонию.

Нино прикусил губу.

– И много там было денег?

– Не больше и не меньше стоимости моего радиоприёмника, – ответил Никола.

– Значит, весь наш спор из-за святого Антония, которого я вырезал из журнала, – задумчиво сказал Нино.

Никола почесал в затылке.

– Так оно и есть, – пробормотал он, – и ты можешь получить его назад, Нино.

– Ни в коем случае! – великодушно возразил Нино. – Уговор есть уговор! Ведь мы же ударили по рукам, как честные люди!

Тут оба рассмеялись. Они спустились по каменным ступеням, встретились в середине заросшей площадки и обнялись, хлопая друг друга по спине. После этого заключили в свои объятия Момо и сказали: «Большое тебе спасибо!»

Когда они уходили, Момо ещё долго махала им вслед рукой. Она была довольна, что два друга опять помирились.

В другой раз маленький мальчик принёс Момо канарейку, которая отказывалась петь. Это было для Момо трудной задачей. Целую неделю она терпеливо прислушивалась к едва слышному голосу канарейки, пока та опять весело не запела.

Момо терпеливо выслушивала всех: собак и кошек, цикад и жаб. Она умела прислушиваться к шуму дождя и шороху ветра в листве. И всяк рассказывал ей о чём-нибудь на свой лад.

Вечерами, когда её друзья расходились по домам, Момо ещё долго сидела в середине амфитеатра, над которым простирался мерцающий звёздами купол неба, и просто слушала тишину. Ей представлялось, что сидит она в середине огромной ушной раковины, внимающей музыке звёзд. И казалось ей тогда, что она слышит тихую, но мощную музыку, доходящую до сердца.

В такие ночи ей снились особенно прекрасные сны.

А тот, кто думает, что в умении слушать нет ничего особенного, пусть попробует, – может быть, и он научится слушать не хуже Момо.

Глава третья

Игрушечная буря и настоящая гроза

Само собой понятно, что Момо никогда не делала различия между взрослыми и детьми – она слушала и тех и других. Но дети приходили в старый амфитеатр ещё и по другой причине. С тех пор как в театре поселилась Момо, они научились играть, как не умели раньше. И никогда больше не скучали. И вовсе не потому, что Момо предлагала что-нибудь очень интересное. Нет, просто Момо была тут и играла вместе с ними. И именно поэтому – неизвестно отчего – детям стали приходить в голову прекрасные идеи. Каждый день изобретали они новые игры – одну лучше другой.

Однажды в душный, знойный день десять детей сидели на каменных ступенях и ждали Момо, которая пошла немного прогуляться. В небе висели тяжёлые, чёрные тучи, предвещающая грозу.

– Лучше я домой пойду, – сказала одна девочка, которая пришла сюда с маленькой сестрёнкой, – я боюсь грома и молнии.

– А дома? – спросил мальчик в очках. – А дома ты этого не боишься?

– Боюсь, – ответила девочка.

– Вот и оставайся здесь, – решил мальчик.

Девочка пожала плечами и кивнула. Через минуту она сказала:

– А вдруг Момо не вернётся?

– Ну и что? – вмешался в разговор мальчик, выглядевший каким-то беспризорным. – Мы всё равно можем играть и без Момо.

– Хорошо, но во что?

– Я тоже не знаю. Во что-нибудь.

– Что-нибудь – это ничего. У кого есть предложение?

– У меня, – сказал толстый мальчик тонким, девчачьим голосом. – Давайте играть в морское путешествие, как будто вся эта развалина – огромный корабль, и мы плывём по неизвестным морям, и у нас разные приключения. Я капитан, ты первый штурман, а ты натуралист, профессор, потому что наше путешествие научно-исследовательское, понимаете? А все другие – матросы...

– А кто мы, девочки?

– Вы матроски. Это корабль будущего.

Это был хороший план! Они стали играть, но у них не было согласия и дело не клеилось. Вскоре они все опять сидели на каменных ступенях – и ждали.

Но вот пришла Момо.

Высоко вскипала носовая волна. Исследовательский корабль «Арго», тихо покачиваясь на мёртвой зыби, полным ходом спокойно продвигался в одно из южных коралловых морей. С давних времён ни один корабль не отваживался заплывать в эти опасные воды: здесь полно мелей, коралловых рифов и морских чудовищ. В этих краях царствовал так называемый «Вечный тайфун», смерч, который никогда не стихал. Как некое коварное чудовище, бродил он по этому морю в поисках жертвы. Неведомы были его пути. И всё, что захватывал этот ураган в свои огромные лапы, он не отпускал, пока не разнесёт в щепки не толще спичек.

Исследовательский корабль «Арго» был, естественно, по-особому оснащён для встречи с этим «Бродячим смерчем». Он целиком был выстроен из особой голубой стали – такой же гибкой и неломающейся, как та, из которой делают клинки. Он был отлит из единого куска, без сварных швов.

И всё же вряд ли другой капитан и другие матросы отважились бы подвергнуться подобной опасности. Но капитан Гордон отважился. Гордо смотрел он с капитанского мостика на матросов и матросок, а они все были знатоками своего дела.

Рядом с капитаном стоял его первый штурман, Дон Мелу, старый морской волк, переживший сто двадцать семь ураганов.

На тентовой палубе можно было видеть профессора Айзенштайна, научного руководителя экспедиции, с ассистентками Мауриной и Сарой – своей исключительной памятью они заменяли профессору целую библиотеку. Все трое склонились над точнейшими инструментами и о чём-то тихо советовались на сложном научном языке.

Немного в стороне сидела, скрестив ноги, прекрасная туземка Момо-сан. Время от времени исследователь расспрашивал её об особенностях этого моря, и она отвечала ему на благозвучном хула-диалекте, понятном одному лишь профессору.

Целью экспедиции было найти причину возникновения «Бродячего смерча» и, если возможно, устранить её, чтобы сделать это море доступным для других кораблей. Но пока всё было тихо.

Крик вперёдсмотрящего на мачте вырвал капитана из задумчивости.

– Кеп! – крикнул он в приставленные рупором ладони. – Или я с ума сошёл, или я действительно вижу впереди стеклянный остров!

Капитан и Дон Мелу схватились за подзорные трубы. Профессор Айзенштайн и его ассистентки тотчас же выглянули из своего укрытия. Только прекрасная туземка невозмутимо сидела на месте. Загадочные обычаи её народа запрещали ей выказывать любопытство. Вскоре корабль достиг стеклянного острова. Профессор спустился по верёвочной лестнице, перекинутой через борт корабля, на прозрачный берег. Почва острова была такой скользкой, что профессору Айзенштайну стоило больших трудов удержаться на ногах.

Остров был круглый и имел метров эдак двадцать в диаметре. Поверхность его поднималась к середине куполообразной крыши. Когда профессор достиг высшей точки, он отчётливо увидел глубоко внутри острова пульсирующий луч света.

О своих наблюдениях он сообщал всем остальным, напряжённо ожидавшим у поручней корабля.

– Ясно, – сказала ассистентка Маурина, – это оггельмумпф бистроциналис.

– Возможно, – сказала ассистентка Сара, – но это может быть и шлукула тапетоцифера.

Профессор выпрямился, поправил на носу очки и крикнул:

– По-моему, мы имеем здесь дело с подвидом обыкновенного штрумпфус кветчинензус! Окончательно установить это можно, только исследовав всё изнутри.

Три матроски, которые были к тому же мировыми рекордсменками по спортивному нырянию и уже надели тем временем акваланги, прыгнули за борт и скрылись в голубой глубине.

Некоторое время только пузыри появлялись на поверхности моря, но вдруг из глубины вынырнула одна из девочек, по имени Сандра, и крикнула, задыхаясь:

– Это огромная медуза! Две ныряльщицы пойманы её щупальцами и не могут освободиться. На помощь, пока не поздно!

С этими словами она опять исчезла.

В ту же минуту в волны кинулись сто водолазов под командованием командира Франка по прозвищу Дельфин. Под водой разгорелась жестокая битва, и поверхность моря покрылась пеной. Но даже этим борцам не удалось освободить девочек из страшных объятий. Слишком мощной была эта огромная медуза!

– Нечто, – обратился профессор, хмуря лоб, к своим ассистенткам, – нечто обуславливает в этом море повышенный рост всего в нём находящегося. В высшей степени интересно!

Капитан Гордон и его первый штурман тем временем посоветовались и приняли решение.

– Назад! – крикнул Дон Мелу. – Все на борт! Мы разрежем чудовище на две части, иначе нам девочек не освободить.

Дельфин и его водолазы возвратились на корабль. «Арго» дал задний ход, а потом со всей силой устремился прямо на медузу. Нос стального корабля был острый как бритва. Бесшумно, почти без ощутимых усилий, разрезал он чудовище на две половины. Это, правда, было не совсем безопасно для двух пойманных щупальцами девочек, но первый штурман Дон Мелу в точности высчитал их местоположение и разрезал медузу как раз между ними. Щупальца разрезанной медузы вяло и бессильно повисли, и пленницы смогли освободиться.

Радостно встретили их на корабле. Профессор подошёл к ним и сказал:

– Это моя вина. Я не должен был посылать вас в воду. Простите, что я подвергнул вас такой опасности!

– Не за что вас прощать, профессор, – улыбнулась одна из девочек, – для того мы, собственно, и поехали с вами.

А другая добавила:

– Опасность – наша профессия!

Для дальнейших разговоров времени, однако, не осталось. Капитан и команда, занятые спасательными работами, забыли следить за состоянием моря. Только сейчас они заметили на горизонте «Бродячий смерч», он стремительно приближался к «Арго».

Первая же мощная волна схватила стальной корабль, подняла его вверх, опрокинула и бросила в водяную бездну. Менее опытные и смелые моряки, чем те, что были на «Арго», не выдержали бы этого удара: одних смыло бы волной, другие попадали бы в обморок. Но капитан Гордон, будто ничего не случилось, всё так же широко расставив ноги, стоял на капитанском мостике. Его команда тоже оставалась на местах. Только не привыкшая к морским бурям туземка Момосан забралась в спасательную шлюпку.

В несколько секунд небо стало чёрным как сажа. С рёвом и свистом набросился ураганный ветер на корабль и швырял его то в головокружительную высоту, то в зияющую бездну. Казалось, что его ярость с каждой минутой возрастает оттого, что он никак не может потопить корабль.

Капитан спокойным голосом отдавал свои приказания, первый штурман громко повторял их матросам. Каждый оставался на своём посту. Даже профессор Айзенштайн и его ассистентки не отступились от своих инструментов. Они точно высчитывали местонахождение середины смерча, именно туда двигался корабль. Капитан Гордон внутренне восхищался хладнокровием исследователей, которые отнюдь не были морскими волками, как он сам и его люди.

Первая же молния стрельнула прямо в стальной корабль – он, конечно, сразу же зарядился электричеством. Стоило хоть к чему-то притронуться – сразу сыпались искры. Но весь экипаж «Арго» уже был хорошо подготовлен к этому многомесячными тренировками. И никто не испугался.

Некоторую сложность представляли более тонкие детали корабля, например тросы и поручни; они раскалились докрасна, как волоски электроламп. Но люди работали в асбестовых перчатках. К счастью, хлынул ливень и быстро охладил пылающую сталь. Такого ливня ещё никто, кроме Дона Мелу, не видал, он был таким частым, что вытеснил почти весь воздух. Стало нечем дышать. Команде пришлось прибегнуть к аквалангам.

Одна молния за другой, один удар грома за другим! Воющий ветер! Волны величиной с дом и белая пена!

Метр за метром боролся «Арго» с древней мощью тайфуна, медленно продвигался вперёд, хотя машины работали на полную мощность. Машинисты и кочегары в трюме корабля прилагали нечеловеческие усилия. Они привязались к трубам толстыми канатами, чтобы не угодить в разверстую огненную пасть топки, – так бросало и качало корабль.

Наконец была достигнута самая середина смерча. Что это было за зрелище!

На поверхности моря, которая была здесь гладкой как зеркало, потому что смерч своей гигантской силой придавил волны, плясал великан. Он стоял на одной ноге, напоминая волчок величиной с гору. Громадина эта вращалась вокруг своей оси с такой быстротой, что подробностей разглядеть не удавалось.

– Это Шум-шум Гумиластик! – восторженно крикнул профессор, придерживая очки, которые ливень пытался смыть с его носа.

– Может быть, вы объясните нам это попроще? – буркнул Дон Мелу. – Мы простые моряки, и...

– Не мешайте профессору наблюдать! – прервала его ассистентка Сара. – Нам представился неповторимый случай. Происхождение этого волчка восходит к первейшим временам образования земли. Его возраст – миллионы лет. Сегодня его микроскопические подвиды изредка встречаются в томатном соусе и – ещё реже – в зелёных чернилах. Экземпляр подобной величины, очевидно, единственный в своём роде.

– Но мы явились сюда, чтобы выяснить причину происхождения «Вечного смерча» и устранить её! – крикнул капитан сквозь вой урагана. – Пусть профессор скажет, как остановить эту штуку!

– А я тоже не имею об этом ни малейшего представления, – сказал профессор. – Науке ещё не приходилось подробно изучать это явление.

– Хорошо, – сказал капитан. – Попробуем-ка его обстрелять и посмотрим, что из этого получится.

– Какой ужас! – запричитал профессор. – Обстрелять единственный экземпляр Шум-шум Гумиластика!

Но лучевая пушка была уже нацелена на волчок.

– Огонь! – приказал капитан.

Голубой луч длиной в километр вырвался из двухствольной пушки. Выстрел был бесшумным, ибо лучевая пушка, как известно, стреляет протеинами.

Светящийся луч ударил по Шум-шуму, но тут же был схвачен и отброшен гигантским вихрем. Несколько раз обернулся луч вокруг Гумиластика, потом поднялся в высоту и исчез в чёрных облаках.

– Бесполезно! – крикнул капитан Гордон. – Необходимо подойти ближе!

– Ближе нам не подойти! – крикнул в ответ Дон Мелу. – Машины работают на полную мощность, но этого хватает только на то, чтобы нас не сдуло.

– Какие будут предложения, профессор? – спросил капитан.

Но профессор только плечами пожал. Его ассистентки тоже не могли ничего присоветовать. Похоже было, что экспедицию придётся прервать, так ничего и не добившись.

Но тут кто-то дёрнул профессора за рукав. Это была прекрасная туземка.

– Малумба! – произнесла она с ободряющей миной. – Малумба оиситу соно! Ервени самба инсалту лолобиндра. Крамуна хей бени-бени садо садогау.

– Бабалу? – изумлённо спросил профессор. – Диди маха фенози интуге дойнен малумба? Прекрасная туземка кивнула:

– Додо ум ауфу шуламат вавада.

– Ой-ой, – ответил профессор, задумчиво теребя подбородок.

– Чего она хочет? – спросил первый штурман.

– Она говорит, – ответил профессор, – что у её народа есть одна древняя песня, которая может усыпить «Бродячий смерч», если кто-нибудь отважится пропеть ему её.

– Не смешите меня! – проворчал Дон Мелу. – Колыбельная для урагана!

– Что вы об этом думаете, профессор? – хотела знать ассистентка Сара. – Возможно ли такое?

– Отбросим всякие предубеждения, – сказал профессор. – В преданиях туземцев часто сокрыто разумное зерно. Весьма возможны определённые звуковые колебания, влияющие на Шум-шум Гумиластик. Мы просто ещё мало знаем о его свойствах.

– Вреда от этого не будет, – решил капитан. – Надо просто попробовать. Скажите ей – пусть поёт.

Профессор обратился к прекрасной туземке и сказал:

– Малумба диди оисафал хуна-хуна, ваваду?

Момо-сан кивнула и тут же запела свою песню, в которой всё время повторялись почти одни и те же звуки:

*Ени мени аллубени
ванна тай сусура тени!*

Она хлопала в такт ладошками и приплясывала на месте.

Простая мелодия и слова легко запоминались. Вскоре и остальные начали подпевать, команда хлопала в ладоши, приплясывая в такт песне. Удивительно было видеть, как старый морской волк Дон Мелу, а под конец и профессор тоже запели и захлопали, будто дети в какой-нибудь игре.

И действительно – случилось то, во что никто не верил! Огромный волчок вращался всё медленнее и медленнее, наконец он остановился и стал опадать. С грохотом сомкнулась над ним вода. В мгновение ока смолк ураган, прекратился ливень, голубым стало небо, успокоились волны моря. «Арго» недвижно покоился на сверкающем зеркале моря, будто ничего, кроме тишины, здесь никогда и не было.

– Люди, – сказал капитан Гордон, с признательностью взглянув на каждого, – это сделали мы с вами!

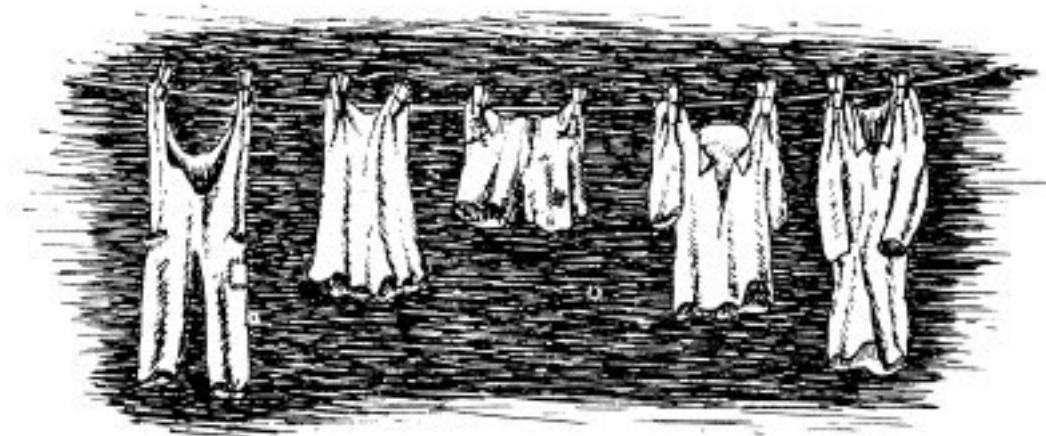
Все знали, что он немногословен. Тем более знаменательным было, что на этот раз он ещё добавил:

– Я горжусь вами!..

– Знаете что? – сказала девочка, которая привела с собой маленькую сестрёнку. – Я думаю, что дождь всё-таки был. Я промокла до нитки...

Гроза тем временем кончилась. И больше всех удивлялась девочка с маленькой сестрёнкой: как это она, позабыв о своих страхах, тоже плавала на стальном корабле?

Они ещё беседовали некоторое время о своих приключениях, вспоминая отдельные моменты, пережитые каждым. Потом они расстались, чтобы пойти домой и обсушиться.

Но оказалось, что мальчик в очках не очень доволен игрой.

Прощаясь с Момо, он сказал:

– Жалко, что мы потопили этот Шум-шум Гумиластик. Последний экземпляр в своём роде! Хотел бы я изучить его подробнее.

Но все были согласны в одном: нигде нельзя играть так хорошо, как у Момо.

Глава четвёртая

Молчаливый старик и словоохотливый юноша

Если у тебя много друзей, то среди них всегда есть такие, которые тебе особенно дороги. Так было и с Момо.

Она особенно полюбила двоих, которые приходили к ней каждый день. Один был молодой, другой старый. И Момо не могла бы сказать, кого из них она любит больше.

Одного звали Беппо-Подметальщик. В действительности у него было, наверно, другое имя, но так как он был подметальщиком улиц и все звали его Подметальщиком, то он и сам стал так себя называть.

Беппо-Подметальщик жил вблизи амфитеатра в хижине, которую сам себе выстроил из кирпичей, кровельного железа и толя.

Он был очень маленького роста и всегда ходил немного согбившись, так что был только чуть выше Момо. Свою большую голову с торчавшими во все стороны белыми волосами он всегда держал немного косо, а на носу у него сидели маленькие очки.

Некоторые считали, что у Беппо-Подметальщика «не все дома». В ответ на вопросы он обычно только улыбался. Он думал. И если ему казалось, что ответ вовсе не обязателен, то ничего не говорил. Если же он считал, что надо ответить, то всегда долго думал над ответом. Иногда это длилось часа два, иногда целый день. Тем временем люди уже забывали о своих вопросах, и тогда слова Беппо казались им чудными.

Одна Момо умела так долго ждать и понимала его слова. Она знала, что столько времени ему требовалось для того, чтобы не говорить неправду. По его мнению, все несчастья мира происходят оттого, что люди говорят неправду – когда нарочно, когда случайно.

Каждое утро, задолго до рассвета, отправлялся он на своём визжащем велосипеде в город, к одному большому зданию. Там, во дворе, он вместе со своими товарищами ждал, пока дадут метлу и тачку и укажут улицу, которую надо подмести.

Беппо любил эти часы перед рассветом, когда весь город ещё спал. Свою работу он делал с удовольствием и очень основательно. Он знал, что это очень нужная работа.

Улицу он подметал не спеша, с расстановкой: при каждом шаге – вздох, при каждом вздохе – взмах метлой. Шаг – вздох – взмах метлой. Шаг – вздох – взмах метлой. Иногда он на минуту останавливался и задумчиво смотрел перед собой. А потом опять сначала: шаг – вздох – взмах метлой...

И пока он так продвигался, поглядывая на грязную улицу впереди себя и на чистую – позади, ему в голову приходили порой даже значительные мысли. Но это были мысли без слов, мысли, которые так же трудно передать, как запах, о котором остались одни лишь воспоминания, или цвет, который привиделся во сне. После работы, сидя у Момо, он объяснял ей свои мысли. И благодаря способности Момо слушать Беппо находил для объяснения нужные слова.

– Видишь ли, Момо, – говорил он, например, – дело обстоит так: вот ты видишь перед собой очень длинную улицу. И думаешь: какая же она длинная! Никогда её не одолеть, думаешь ты.

Некоторое время он молча смотрел перед собой, потом продолжал:

– И тогда ты начинаешь спешить. И спешить всё сильнее. А поглядев вперёд, ты видишь, что путь перед тобой совсем не уменьшился. И тогда ты ещё больше напрягаешься – от страха, и под конец ты совсем без сил и не можешь шагу ступить. А улица всё ещё простирается впереди. Но так делать нельзя.

Некоторое время он думал. Потом продолжал:

– Никогда нельзя думать сразу обо всей улице, понимаешь? Надо думать о следующем шаге, о следующем вздохе, о следующем взмахе метлой. Всё время только о следующем.

Он опять задумался, размышляя, прежде чем добавить:

– Тогда это доставляет радость; это важно, тогда дело идёт хорошо. И так оно должно быть.

И опять продолжал после долгой паузы:

– Вдруг ты замечаешь, что шаг за шагом одолел всю улицу. А ты и не заметил как, и не устал. – Он кивнул сам себе и закончил: – Вот что важно.

В другой раз он пришёл и молча сел возле Момо. Она сразу заметила, что он задумался – видно, хочет сказать ей что-то особенное.

Взглянув ей в глаза, старик начал:

– Я узнал нас с тобой.

Прошло некоторое время, пока он продолжил тихим голосом:

– Такое бывает иногда – в обед, когда всё уснуло в зное. Тогда мир становится прозрачным. Как река, понимаешь? До самого дна видно!

Он кивнул, помолчал, потом сказал ещё тише:

– Там, на дне, лежат совсем другие времена, – на дне, понимаешь?

Он опять долго думал, подыскивая слова. Но, как видно, не нашёл, потому что заговорил своим обычным голосом:

– Сегодня я подметал возле старой городской стены. В ней пять камней совсем другого цвета. Вот так, понимаешь?

Он нарисовал пальцем в пыли большое «Т». Склонив голову набок и взглянув на букву, он вдруг прошептал:

– Я их узнал, эти камни.

Помолчав немного, он добавил:

– Это были совсем другие времена – тогда, когда строили эту стену. Много народу там работало. Но были двое, которые взяли да вмуровали эти камни. Знак такой, понимаешь? Я узнал его.

Он провёл рукой по глазам. Казалось, каждое слово давалось ему с трудом, и, когда он вновь заговорил, слова его прозвучали тягостно:

– Они совсем по-другому выглядели, те двое, тогда, совсем по-другому. – И он закончил почти гневно: – Но я их снова узнал – тебя и себя! Я узнал нас!

Нельзя, конечно, осуждать людей за то, что они посмеивались, слушая такие речи Беппо-Подметальщика. Некоторые за его спиной крутили пальцем у виска. Но Момо любила Беппо и хранила все его слова глубоко в сердце.

Другой лучший друг Момо был очень молод и во всех отношениях прямая противоположность Беппо-Подметальщику. Это был красивый юноша с мечтательными глазами и бойким язычком. Всегда напичканный шутками и разным вздором, он так заразительно смеялся, что вы невольно смеялись вместе с ним – хотели вы того или нет. Его настоящее имя было Джилорамо, но все звали его просто Джиги.

Но так как Беппо мы уже называли Подметальщиком, то и Джиги мы дадим прозвище, связанное с его профессией, хотя, по правде говоря, никакой профессии у него не было. Так что назовём его Гидом. Но ведь гидом он тоже бывал от случая к случаю, совсем не потому, что он этому учился или его кто-то на такое дело поставил.

Верным его помощником была кепка с огромным козырьком. Как только появлялись вблизи заблудившиеся туристы, он тут же нахлобучивал её и с серьёзным видом направлялся к незнакомцам предлагать свои услуги. Он был готов всё им показать и объяснить. Стоило им согласиться, он сразу же приступал к делу и нёс ужаснейшую чепуху: семь вёрст до небес! Он выдумывал столько необычайных событий, называл столько имён и дат, что у бедных слушателей кружилась голова. Некоторые, заметив обман, сердились и уходили, но большинство

принимали всё за чистую монету и тоже платили за это монетой, когда Джиги протягивал им напоследок свою перевёрнутую кепку.

Люди из ближайших окрестностей смеялись над фантазиями Джиги. А иногда говорили, что нехорошо, мол, делает Джиги: за разные выдумки ещё и деньги получает.

– Но так делают все поэты, – отвечал им Джиги. – А разве туристы ничего не получают за свои деньги? Это уж я точно вам говорю, они получают именно то, что хотят! И какая разница, написано ли это всё в учёных книгах или нет? Кто знает, может быть, истории в этих книгах тоже выдуманы, только никто уже этого сейчас не помнит.

В другой раз он сказал:

– А что вообще-то правда, что – неправда? Кто может знать, что происходило здесь тысячу или две тысячи лет тому назад? Может, вы это знаете?

– Нет, не знаем, – соглашались с ним люди.

– Ну так вот! – говорил Джиги. – Чего ж вы тогда уверяете, что мои истории неправда! По случайности всё могло так и быть, как я рассказывал. А значит, я чистую правду сказал!

Против этого трудно было возразить. Да, с бойким на язычок Джиги справиться было нелегко.

К сожалению, туристы, желавшие осмотреть амфитеатр, приходили сюда очень редко, и тогда Джиги брался за что-нибудь другое. Смотря по обстоятельствам он бывал сторожем в парке, свидетелем при бракосочетаниях, разносчиком любовных писем, плакальщиком на похоронах, продавцом сувениров или корма для кошек, выгуливал собак и занимался ещё многим другим.

Но он мечтал стать когда-нибудь богатым и прославиться. Тогда он будет жить в сказочно-прекрасном доме, окружённом большим парком; есть он будет с золотых тарелок и спать на шёлковых подушках. И самого себя видел он в сиянии грядущей славы – как некое солнце, лучи которого уже сейчас, издалека, согревали его в бедности.

– И я этого добьюсь! – кричал он, когда другие смеялись над его снами. – Все вы ещё вспомните мои слова!

Каким образом он всего этого добьётся, Джиги, разумеется, сказать не мог. К тому же особым прилежанием и любовью к труду он никогда не отличался.

– Работать – не велика премудрость, – говорил он Момо. – Таким путём пусть богатеют другие. Посмотри, какие они из себя – те, что продают жизнь и душу за каплю благосостояния! Нет, это не для меня. Пусть иногда у меня нет денег, чтобы заплатить за чашку кофе, – Джиги всегда остаётся Джиги!..

Казалось, что столь разные люди, со столь различными взглядами на жизнь и на мир, как Джиги-Гид и Беппо-Подметальщик, никогда не могут подружиться. И всё же они дружили. Как ни странно, но именно Беппо был единственным, кто никогда не осуждал Джиги за его легкомыслие. И так же странно, что острый на язычок Джиги никогда не насмехался над чудакватым старым Беппо.

Зависело это, конечно, и от того, что маленькая Момо так хорошо умела их слушать.

Никто из троих не знал, что на их дружбу скоро набежит тень. И не только на их дружбу – на всё вокруг. И тень эта росла и уже сейчас – тёмная и холодная – наползала на весь город.

Это похоже было на какое-то бесшумное и вроде бы и незаметное нашествие, продвигавшееся вперёд, и ему было невозможно противостоять, ибо никто его толком не замечал. А завоеватели – кто были они?

Даже старый Беппо, видевший многое, чего не видели другие, даже он не заметил Серых господ, которых становилось всё больше и больше.

Они всё чаще мелькали в большом городе и казались неутомимо-деятельными. Вместе с тем они вовсе не были невидимками. Все их видели – и всё же их не видел никто. Зловещим образом умели они оставаться незамеченными, так что вы просто смотрели мимо них, а если

встречали их, то тут же забывали. Они совершали своё тайное дело, даже не прячась. И так как они никому не бросались в глаза, никто и не спрашивал, откуда они взялись и откуда приходили, только с каждым днём их становилось всё больше.

Они ездили по улицам в элегантных серых автомобилях, они входили во все дома, сидели во всех ресторанах. И частенько они заносили что-то в свои маленькие записные книжечки.

Одеты они были во всё пепельно-серое. Даже лица у них были пепельно-серыми. Они носили круглые жёсткие шляпы и курили маленькие тёмно-серые сигары. Каждый имел при себе портфель свинцового цвета.

Даже Джиги-Гид не замечал, что эти Серые господа то и дело кружат возле амфитеатра, записывая что-то в свои книжечки.

Только Момо однажды вечером заметила в последнем ряду амфитеатра их тёмные силуэты. Они делали друг другу какие-то знаки, потом их головы сблизились, будто они о чём-то совещаются. Ничего не было слышно, но Момо вдруг стало странно холодно, как никогда раньше. Она поплотнее закуталась в свой огромный пиджак, но и это не помогло – холод был какой-то необычный.

Потом Серые господа исчезли и больше не показывались.

В тот вечер Момо не слышала тихой и мощной музыки, как это бывало раньше. Но на следующий день жизнь вошла в свою обычную колею, и Момо уже не думала о странных посетителях. Она тоже их забыла.

Глава пятая

История для всех и история для одной

Момо стала для Джиги-Гида совершенно незаменимой. Легкомысленный, непостоянный Джиги вдруг почувствовал, что горячо любит эту маленькую лохматую девочку. Он был бы рад никогда с ней не расставаться.

Его страстью, как мы уже знаем, было рассказывать разные истории. С некоторых пор он стал рассказывать намного лучше – он и сам это чувствовал. Раньше его истории получались какими-то суховатыми – видно, ничего хорошего не приходило на ум, – он часто повторялся или рассказывал про какой-нибудь виденный им фильм или о том, что прочитал в газете. Его рассказы, если так можно выразиться, шли пешком, но с тех пор, как он узнал Момо, они обрели крылья.

Особенно когда Момо была рядом и слушала, тогда его фантазия расцветала, подобно весеннему лугу. Теперь вокруг него всегда толпились дети и взрослые. Он научился рассказывать истории с продолжением, которые тянулись днями и неделями. Выдумкам его не было конца, да он и сам стал прислушиваться к себе, никогда не зная, куда заведёт его фантазия.

Как-то раз, когда опять пришли туристы, чтобы осмотреть амфитеатр (Момо сидела немного в стороне на каменных ступенях), Джиги повёл такую речь:

– Высокочтимые дамы и господа! Императрица Страпация Августина, как вам должно быть известно, вела бесчисленные войны, защищая свою страну от нападений Трясунов и Трусоватых.

Когда она однажды снова покорила эти народы, она так разгневалась на них, что пригрозила истребить всех до последнего человека, даже до последней мышки, если их король Ксаксотраксолус не отдаст ей свою Золотую рыбку.

Должен сообщить вам, мои дамы и господа, что в те времена золотые рыбки ещё не были у нас известны. Но императрица Страпация слышала от одного путешественника, что у короля Ксаксотраксолуса есть такая рыбка и она, когда вырастет, превратится в чистое золото. И этой диковиной ей непременно хотелось завладеть.

Но король Ксаксотраксолус в ответ только улыбнулся. Свою Золотую рыбку он спрятал под кровать, а императрице вместо неё переслал молодого кита в украшенной драгоценностями суповой миске.

Императрица была немного удивлена величиной рыбы, потому как представляла себе Золотую рыбку маленькой. Что же, сказала она себе, чем больше, тем лучше, такая рыба даст, в конце-то концов, и больше золота. Но на рыбе не было ни одного золотого пятнышка, и это беспокоило Страпацию. Посол же короля Ксаксотраксолуса объяснил ей, что рыба только тогда превратится в золото, когда хорошенько подрастёт. Поэтому важно не мешать её развитию. Императрица Страпация успокоилась.

Молодой кит рос день ото дня и требовал страшно много пищи. Но ведь императрица Страпация не была бедной, и поэтому рыба получала всё, что только могла проглотить. Скоро она стала толстой и жирной. И суповая миска оказалась мала.

«Чем больше, тем лучше», – сказала императрица Страпация и переселила кита в ванную. Но прошло немного времени, он уже и в ванной не уместился. Он рос и рос. Тогда его перевели в императорский бассейн. Транспортировка была довольно затруднительной – рыба уже весила не меньше хорошего быка. Один из рабов, тащивших кита, поскользнулся, и императрица тут же повелела бросить несчастного на съедение львам – такова была её любовь к рыбе.

Каждый день сидела она на краю бассейна и следила, как рыба растёт. При этом она только и думала что о золоте, ведь, как известно, императрица вела роскошную жизнь и золота ей всегда не хватало.

«Чем больше, тем лучше», – без конца повторяла она. И слова эти были объявлены всеобщим законом, они красовались на всех государственных зданиях, набранные бронзовыми буквами.

Под конец и бассейн стал узким для рыбы. Тогда-то Страпация и повелела воздвигнуть вот это самое здание, руины которого вы видите перед собой, мои дамы и господа. Это был огромный круглый аквариум, доверху заполненный водой, в нём-то рыба и смогла наконец спокойно вытянуться во весь рост.

Самолично, день и ночь, сидела императрица вон на том месте и наблюдала за гигантской рыбой – не превратилась ли та в золото. Она не доверяла никому: ни своим рабам, ни своим родственникам, она боялась, что рыбу могут украсть. Так она там сидела, всё худея от страха и заботы, и, не смыкая глаз, охраняла свою рыбу, которая весело плескалась в аквариуме, вовсе и не думая превращаться в золото. Постепенно Страпация совсем запустила государственные дела. А Трясуны и Трусоватые только того и ждали. Под водительством короля Ксаксотраксолуса предприняли они ещё один военный поход и в мгновение ока завоевали всю страну, не встретив ни одного солдата. Народу было всё равно, кто им управляет.

Когда императрица Страпация обо всём этом узнала, она воскликнула свои знаменитые слова: «Горе мне! О хоть бы я...» Конец этой знаменательной фразы, к сожалению, не сохранился. Но зато точно известно, что она бросилась в аквариум и утонула возле рыбы, поглотившей все её надежды. Король же Ксаксотраксолус повелел к празднику победы заколоть кита, и восемь дней весь народ получал жареное рыбье филе.

Из этого вы видите, мои дамы и господа, к чему может привести легкомыслие!

Этимися словами закончил Джиги экскурсию, и видно было, что рассказ произвёл на слушателей сильное впечатление. Почтительно смотрели они на развалины. Только один сомневающийся недоверчиво спросил:

– А когда всё это происходило?

Но Джиги, как известно, никогда не лез за словом в карман.

– Императрица Страпация была, как известно, современницей знаменитого философа Нойозиуса Старшего, – ответил он.

Сомневающийся не захотел, конечно, признаться, что понятия не имеет, когда жил знаменитый философ Нойозиус Старший, и поэтому только пробурчал:

– Ага, благодарю вас.

Все слушатели были глубоко удовлетворены и сказали, что они не напрасно пришли сюда, что никто ещё им о тех далёких временах так интересно не рассказывал. Тут Джиги, сама скромность, протянул свою перевёрнутую кепку, и туристы поспешили его отблагодарить. Даже сомневающийся бросил в неё несколько монет. Впрочем, с тех пор как здесь поселилась Момо, Джиги никогда не рассказывал одну и ту же историю дважды. Это было бы слишком скучно. Когда Момо бывала среди слушателей, ему чудилось, будто у него внутри вдруг открывался какой-то шлюз и целый поток выдумок устремлялся на свободу. Самому ему почти думать и не приходилось.

Но больше всего любил Джиги рассказывать свои истории маленькой Момо, когда они были одни. Чаще всего это были сказки, которые Момо очень любила. Почти всегда в них рассказывалось о Момо и Джиги. Эти сказки предназначались только для них, и звучали они совсем по-другому, чем все остальные рассказы Джиги.

В один прекрасный тёплый вечер сидели они оба на верхнем краю каменных ступеней. В небе уже засветились первые звёздочки, и большая серебряная луна поднималась над чёрными силуэтами пиний.

- Может, расскажешь сказку? – тихо спросила Момо.
- Хорошо, – сказал Джиги, – о чём?
- Лучше всего о Момо и о Джилорамо, – ответила Момо.
- Немного подумав, Джиги спросил:
- А как она должна называться?
- Может быть, «Сказка о Волшебном Зеркале»?

Джиги задумчиво кивнул:

- Звучит неплохо. Посмотрим, как она сложится.

Он положил руку на плечо Момо и начал:

– Жила-была когда-то прекрасная принцесса по имени Момо, она ходила в шелках и бархате, а её дворец стоял высоко над миром на покрытой вечным снегом вершине, весь из разноцветного стекла.

У принцессы было всё, что только можно себе пожелать, ела она только изысканные блюда и пила сладчайшие вина. Спала на шёлковых подушках и сидела на стульях из слоновой кости. Она ни в чём не нуждалась, но была совсем одна.

Всё вокруг: её слуги, горничные, её собаки, и кошки, и птицы, даже её цветы, – всё это были лишь отражения, зеркальные отражения.

Дело в том, что у принцессы Момо было большое круглое Волшебное Зеркало из чистейшего серебра. Каждый день и каждую ночь она отправляла его гулять по свету. И Зеркало парило над странами и морями, над городами и полями. Люди, видевшие его, ни капельки не удивлялись, они просто говорили: «Это Луна».

Каждый раз, когда Волшебное Зеркало возвращалось, оно отдавало принцессе все отражения, которые ему удавалось собрать во время своего путешествия.

Одни были красивыми, другие уродливыми, одни интересными, другие скучными – какие уж Волшебному Зеркалу по дороге попадались. Понравившиеся принцесса забирала, остальные выбрасывала в ручей. И отпущенные на свободу отражения быстро ускользали назад к своим владельцам. Поэтому, когда мы наклоняемся над каким-нибудь колодцем или какой-нибудь лужей, мы там всегда видим своё отражение.

Ещё я забыл сказать о том, что принцесса Момо была бессмертной.

Своего собственного отражения в Зеркале она ещё никогда не видела. Дело в том, что тот, кто заглядывал в Волшебное Зеркало и видел в нём своё отражение, становился смертным. Принцесса Момо это хорошо знала. Так вот она и жила со всеми своими отражениями и была, в общем, всем довольна.

Но как-то раз Волшебное Зеркало принесло ей отражение, которое означало для неё нечто большее, чем все другие. Это было лицо юного принца. Увидев его, принцесса почувствовала вдруг такую тоску, что непременно захотела к нему отправиться. Но как это сделать? Она ведь не знала ни где он живёт, ни кто он, она даже не знала его имени.

Не зная, как иначе поступить, она решила заглянуть в Волшебное Зеркало, подумав: «Может быть, оно отнесёт моё отражение неизвестному принцу? Может быть, он случайно посмотрит вверх, когда Зеркало будет пролетать по небу, и увидит меня в нём? И принц последует за Зеркалом и найдёт меня?»

Момо долго-долго смотрела в Волшебное Зеркало, а потом снова отправила его путешествовать по свету. Но из-за этого она конечно же сразу стала смертной.

Сейчас ты услышишь, что было дальше, но сперва я должен рассказать тебе о принце.

Принца звали Джилорамо. Он властвовал над огромным царством, которое сам себе создал. Где было это царство? Его не было Вчера и не было Сегодня, оно всегда находилось на

день вперёд – в Будущем. Потому и называлось оно Страна-Завтра. Все жившие там преклонялись перед принцем и любили его.

Однажды утром министры сказали принцу Страны-Завтра: «Ваше величество, вам надо жениться, так уж оно принято».

Принц Джилорамо не имел ничего против, и тогда прекраснейшие юные дамы Страны-Завтра приведены были во дворец, чтобы он мог из них какую-нибудь выбрать. Они принарядились, как могли, – каждой ведь хотелось стать принцессой.

Но вместе с девушками во дворец прокралась злая фея, в её жилах текла не горячая красная кровь, а зелёная и холодная.

По ней этого, однако, не видно было, потому что она очень искусно нарядилась.

Когда принц Страны-Завтра вошёл в большой тронный зал, чтобы сделать свой выбор, она быстро прошептала заклинание, и бедный Джилорамо с того мгновения видел только её одну и больше никого. Она показалась ему такой прекрасной, что он сразу же спросил, не согласится ли она стать его женой.

– С удовольствием, – прошипела злая фея, – но с одним условием.

– Я его выполню, – необдуманно ответил принц Джилорамо.

– Хорошо, – ответила злая фея и улыбнулась так сладко, что у несчастного принца голова закружилась. – Целый год ты не должен заглядывать в Волшебное Зеркало, то самое, что летает по небу. Если же ты это сделаешь, то тут же забудешь обо всём на свете. Ты забудешь, кто ты в действительности есть, и должен будешь переселиться в Страну-Сегодня, где тебя никто не знает и где ты будешь жить неизвестным бедняком. Согласен?

– О, если только это! – воскликнул принц Джилорамо. – Условие легче лёгкого...

Что же происходило тем временем с принцессой Момо?

Она ждала и ждала, но принц не появлялся. Тогда она решила сама отправиться в путешествие, чтобы найти его.

Всем окружавшим её отражениям она тут же возвратила свободу и одна-одинёшенька вышла из дворца в мягких домашних туфельках. Спустившись со снежных гор в долину, она прошла через многие страны, пока не попала в Страну-Сегодня. Туфельки её уже порвались, и она шла босиком. Но её отражение в Волшебном Зеркале всё ещё витало высоко над миром.

Однажды ночью принц Джилорамо сидел на крыше своего золотого дворца и играл в шахматы с феей, в жилах которой текла зелёная холодная кровь. Малюсенькая капелька упала вдруг на руку принца.

– Начинается дождь, – сказала фея с зелёной кровью.

– Нет, – ответил принц, – это не дождь, ведь на небе ни облачка...

Он поднял голову и посмотрел прямо в большое серебряное Волшебное Зеркало, парившее над ним. В нём он увидел отражение принцессы Момо и заметил, что она плачет.

Это одна из её слезинок упала ему на руку! И в то же мгновение он понял, что фея его обманула, что она вовсе не прекрасна и что в жилах у неё зелёная холодная кровь. Принцесса Момо – вот кого он действительно любит!

– Ты нарушил условие, – сказала зелёная фея, и её лицо исказилось, – теперь ты за это заплатишь!

Длинными зелёными пальцами залезла она в сердце принца – он сидел словно окаменевший – и завязала там узелок. И в ту же минуту он забыл, что он принц Страны-Завтра. И покинул свой дворец и свою страну. Он долго странствовал по свету, пока не пришёл в Страну-Сегодня и стал там жить никому не известным бедняком и звался отныне всего лишь Джиги. Единственное, что он захватил с собой, – это отражение из Волшебного Зеркала.

Тем временем шелковые и бархатные платья Момо тоже превратились в лохмотья. Она носила теперь слишком большой для неё мужской пиджак и залатанную юбку. И жила она в старых развалинах.

Тут-то они в один прекрасный день и встретились. Но принцесса Момо не узнала в бедняке принца Страны-Завтра. И Джиги тоже не узнал принцессу, потому что на принцессу она уже не была похожа. Но общая беда сблизила их, они подружились, помогая друг другу, и вместе им было хорошо.

Как-то вечером, когда Волшебное Зеркало, теперь уже пустое, опять проплывало по небу, Джиги достал хранившееся у него отражение и показал его Момо. Оно было уже сильно помято и смазано, но принцесса тотчас узнала свой портрет, который она когда-то посылала в мир. А в бедном Джиги она вдруг узнала принца Джилорамо, которого она всегда искала и ради которого стала смертной. И она тут же ему всё рассказала.

Но Джиги грустно покачал головой:

– Не понимаю, о чём ты говоришь: в моём сердце завязан узелок, и поэтому я ни о чём не помню.

Тогда Момо взяла в руки его сердце и легко развязала узелок. И принц Джилорамо сразу вспомнил, кто он и откуда пришёл.

Он взял принцессу за руку и ушёл с ней далеко-далеко – туда, где лежит Страна-Завтра.

Когда Джиги закончил, оба немного помолчали, а потом Момо спросила:

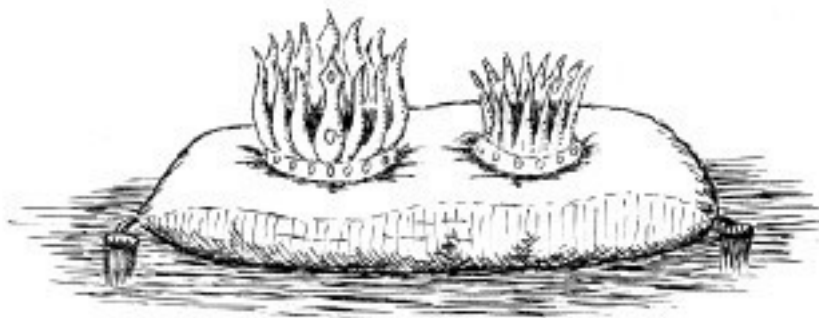
– Стали они потом мужем и женой?

– Думаю, что стали, – сказал Джиги, – наверное. Но потом, позже.

– А сейчас они уже умерли?

– Нет, – уверенно сказал Джиги, – это я точно узнал. Волшебное Зеркало делает человека смертным, если он один в него заглянет. Если же заглянуть в него вдвоём, то становишься снова бессмертным. Оба так и сделали.

Большая серебряная луна стояла над чёрными пиниями и таинственно освещала старые камни развалин. Момо и Джиги долго смотрели на неё, сидя рядом. В это мгновение они чувствовали себя бессмертными.

Часть вторая Серые господа

Глава шестая

Фальшивый счёт, а всё сходится

Есть на свете один важный, но совсем будничный секрет. Все люди к нему причастны, каждый его знает, но только немногие о нём думают. Многие просто принимают его к сведению, ни капли ему не удивляясь. Секрет этот – время.

Для измерения времени созданы календари и часы, но от них мало толку, потому что каждый знает, что один час может показаться вечностью и вместе с тем промелькнуть как мгновение – смотря по тому, что за этот час пережито.

Ведь время – это жизнь. А жизнь обитает в сердце.

Никто не понимал этого лучше, нежели Серые господа. Никто не знал цену одного часа, или одной минуты, или одной секунды человеческой жизни так, как они. Понимали они это, разумеется, на свой лад, как пиявки понимают на свой лад цену крови, и исходя из этого действовали.

В отношении человеческого времени у них были свои планы – далеко идущие и тщательно подготовленные. Самым важным было, чтобы никто не обратил внимания на их деятельность. Незаметно утвердились они в жизни большого города и его жителей. Шаг за шагом, никем не замеченные, продвигались они в своём деле, опутывая людей.

Каждого, принимавшегося ими в расчёт, они знали задолго до того, как этот человек сам о чём-нибудь догадывался. Они только ждали удобного случая, чтобы схватить его. И делали всё, чтобы это мгновение скорее наступило.

Взять, например, господина Фузи, парикмахера. Он, правда, не был выдающимся мастером причёсок, но пользовался на своей улице уважением. Он не был ни богат, ни беден. Его мастерская, расположенная в центре города, была маленькой, он держал всего лишь одного ученика.

Как-то днём стоял господин Фузи перед дверью своей мастерской, поджидая клиентов. Ученика он отпустил и теперь был один. Стоял и смотрел, как барабанит на улице дождь. День был серый, и на душе у господина Фузи было пасмурно.

«Так и проходит моя жизнь, – думал он, – под клацанье ножниц и болтовню клиентов, в мыльной пене... Что я вижу в жизни хорошего? И когда я умру, всё будет так, будто меня вообще никогда не было на свете».

Нет, господин Фузи ничего не имел против того, чтобы поболтать. Он даже очень любил обсуждать с клиентами разные вопросы и выслушивать их мнение. Против клацанья ножниц и мыльной пены он, в сущности, тоже ничего не имел. Работа доставляла ему большое удовольствие, и он знал, что делает её хорошо. Особенно любил он выбривать подбородки – в этом у него не было равных. Но бывают в жизни мгновения, когда начинает казаться, что всё это гроша ломаного не стоит. Так с каждым случается.

«Вся моя жизнь – ошибка, – думал господин Фузи. – Кто я такой? Маленький брадобрей, вот кто! Жил бы я настоящей жизнью, был бы я совсем другой человек!»

Но какая эта настоящая жизнь, он не знал. Он только представлял себе что-то очень значительное, роскошное, как это изображают на картинках в иллюстрированных журналах.

«Но, – думал он угрюмо, – для всего этого работа не оставляет мне времени. Для настоящей жизни надо иметь время. Надо быть свободным. А я на всю жизнь пленник клацанья ножниц, болтовни и мыльной пены...»

В это мгновение возле парикмахерской господина Фузи остановился роскошный пепельно-серый автомобиль. Из него вышел Серый господин и направился в мастерскую. Он положил на столик перед зеркалом свинцово-серый портфель, повесил на вешалку круглую

жёсткую шляпу, сел в кресло, вынул записную книжечку и стал листать её, попыхивая маленькой серой сигарой.

Господин Фузи закрыл дверь парикмахерской – ему показалось, что в помещении вдруг стало необычно холодно.

– Чем могу служить? – спросил он растерянно. – Побрить или постричь? – Но тут же проклял себя за свою бестактность: у Серого господина была зеркальная лысина.

– Ничего подобного, – ответил Серый господин без тени улыбки странно беззвучным, пепельно-серым голосом. – Я пришёл к вам от Сберкасы Времени. Я агент номер ИКС (384) б. Нам стало известно, что вы хотите открыть у нас текущий счёт.

– Это для меня новость, – ещё растерянней сказал господин Фузи. – Откровенно говоря, я до сих пор даже не знал, что существует такая фирма...

– Ну, теперь вы это знаете, – оборвал его агент. Он ещё полистал в записной книжке и продолжал: – Ведь вы господин Фузи, парикмахер?

– Совершенно верно, – согласился господин Фузи.

– Значит, я попал по адресу, – сказал Серый господин, захлопнув книжечку. – Вы наш кандидат.

– То есть как? – спросил господин Фузи, всё ещё удивляясь.

– Видите ли, дорогой господин Фузи, – сказал агент, – вы растрчиваете свою жизнь на кланья ножиц, болтовню и мыльную пену. Когда вы умрёте, всё будет так, как будто вас вообще никогда не было. Если бы у вас хватало времени вести настоящую жизнь, вы были бы совсем другим человеком. Самое главное, в чём вы нуждаетесь, – это время.

– Я только что обо всём этом думал, – пробормотал господин Фузи, содрогаясь от озноба; хотя дверь была закрыта, становилось всё холоднее и холоднее.

– Вот видите! – сказал Серый господин, удовлетворённо затягиваясь маленькой сигарой. – Но откуда берётся время? Его надо копить! А вы, господин Фузи, растрчиваете его самым безответственным образом. Я сейчас докажу вам это с помощью маленького расчёта. В минуте шестьдесят секунд. Один час составляет шестьдесят минут. Вы следите за моей мыслью?

– Да, да, конечно, – сказал господин Фузи.

Агент ИКС (384) б быстро написал серым графитом на зеркале несколько цифр.

– Шестьдесят на шестьдесят – это три тысячи шестьсот. Следовательно, в одном часе три тысячи шестьсот секунд.

День состоит из двадцати четырёх часов, умножим три тысячи шестьсот на двадцать четыре – это составит восемьдесят шесть тысяч четыреста секунд в день.

В году, как известно, триста шестьдесят пять дней. Это даёт нам тридцать один миллион пятьсот тридцать шесть тысяч секунд в году.

Или триста пятнадцать миллионов триста шестьдесят тысяч секунд за десять лет.

Во сколько лет вы оцениваете продолжительность вашей жизни, господин Фузи?

– Ну, – растерянно заикнулся господин Фузи, – я надеюсь прожить семьдесят, может быть, восемьдесят лет, если это будет угодно богу.

– Хорошо, – продолжал Серый господин, – возьмём для осторожности только семьдесят лет. Значит, триста пятнадцать миллионов триста шестьдесят тысяч на семь. Итого – два миллиарда двести семь миллионов пятьсот двадцать тысяч секунд.

И он крупно написал это число на зеркале:

2 207 520 00 °СЕКУНД.

Несколько раз подчеркнув число, он объявил:

– Это, господин Фузи, ваше, так сказать, состояние, которым вы можете распоряжаться.

Господин Фузи судорожно глотнул и провёл рукой по лбу. От этой суммы у него закружилась голова. Он никогда не думал, что обладает таким богатством.

– Да, – кивнул агент и опять затянулся маленькой серой сигарой, – впечатляющее число, не правда ли? Но посмотрим дальше... Сколько вам лет, господин Фузи?

– Сорок два, – пролепетал господин Фузи, вдруг почувствовав себя виновным в каком-то незаконном утаивании средств.

– Сколько вы спите ночью, в среднем? – продолжал выпытывать Серый господин.

– Около восьми часов, – признался господин Фузи.

Агент считал молниеносно. Его графит так визжал о стекло, что у господина Фузи по коже забегали мурашки.

– Сорок два года по восемь часов ежедневно – это четыреста сорок один миллион пятьсот сорок тысяч. Мы с полным правом можем считать эту сумму вашей потерей. А сколько времени вы ежедневно тратите на работу, господин Фузи?

– Тоже примерно восемь часов, – еле слышно сознался господин Фузи.

– Значит, придётся ещё раз вычесть из вашего состояния ту же самую сумму, – безжалостно продолжал агент. – Но вы ещё тратите определённое время на еду. Сколько вы тратите на завтрак, обед и ужин?

– Точно не знаю, – испуганно ответил господин Фузи, – может быть, часа два?

– Полагаю, что побольше, – возразил агент, – но допустим. Тогда это составит за сорок два года сто десять миллионов триста семьдесят шесть тысяч. Поедем дальше! Как нам известно, вы живёте один со старой матерью. Ежедневно вы посвящаете вашей матери целый час, вы сидите и разговариваете с ней, хотя она глуха и едва ли что-либо слышит. Это выброшенное время составляет пятьдесят пять миллионов сто восемьдесят восемь тысяч секунд. Кроме того, у вас есть ещё совершенно лишний зелёный попугайчик, уход за которым стоит ежедневно четверти часа, в перерасчёте это означает тринадцать миллионов семьсот девяносто семь тысяч...

– Но... – умоляюще заикнулся господин Фузи.

– Не перебивайте меня! – приказал агент, считавший всё быстрее и быстрее. – Так как ваша мать инвалид, вам, господин Фузи, приходится выполнять самому часть работы по дому. Вам надо ходить за покупками, чистить ботинки и исполнять прочие обязанности. Сколько времени отнимает это у вас ежедневно?

– Может быть, час, но...

– Это ещё пятьдесят пять миллионов сто восемьдесят восемь тысяч, которые вы теряете, господин Фузи. Кроме того, нам известно, что раз в неделю вы ходите в кино, раз в неделю вы поёте в хоре, дважды в неделю посещаете ресторан, в другие дни вы по вечерам встречаетесь с друзьями, а иногда даже читаете ту или иную книгу. Короче, вы убиваете своё время совершенно бесполезными занятиями, и на это у вас уходит по три часа ежедневно. Это будет сто шестьдесят пять миллионов пятьсот шестьдесят четыре тысячи... Вам нехорошо, господин Фузи?

– Нет, ничего, – ответил господин Фузи, – но, простите, пожалуйста...

– Мы сейчас кончим, – сказал Серый господин. – Сперва надо коснуться ещё одной главы в вашей жизни. Эта ваша маленькая тайна... вы знаете...

У господина Фузи зуб на зуб не попадал, так холодно ему стало.

– И это вам тоже известно? – пробормотал он беспомощно. – Я думал, что, кроме меня и фрейлейн Дарии...

– В нашем современном мире, – прервал его агент ИКС (384) б, – тайн больше не существует. Подойдём к этому вопросу реалистично, по-деловому, господин Фузи. Ответьте мне, пожалуйста, на один вопрос: собираетесь ли вы жениться на фрейлейн Дарии?

– Нет, – сказал господин Фузи, – ведь это невозможно...

– Совершенно верно, – продолжал Серый господин, – ибо фрейлейн Дария всю жизнь прикована к креслу на колёсах, у неё больные ноги. Несмотря на это вы каждый день приходите к ней на полчаса, чтобы принести ей цветок. Зачем?

– Она всегда так рада, – ответил, чуть не плача, господин Фузи.

– Взгляните на это трезво, – продолжал агент, – для вас, господин Фузи, это потерянное время. А именно – двадцать семь миллионов пятьсот девяносто четыре тысячи секунд. И если мы добавим к этому вашу привычку сидеть перед сном у окна и размышлять о прошедшем дне – четверть часа в день, то мы получим ещё одну минусовую сумму: тринадцать миллионов семьсот девяносто семь тысяч. Теперь посмотрим, что вам, собственно, остаётся, господин Фузи.

На зеркале уже стоял нижеследующий счёт:

1 324 512 000 секунд

1 324 512 000 секунд

0 000 000 000 секунд

– Данная сумма, – сказал Серый господин и так застучал графитом по зеркалу, что это прозвучало как револьверные выстрелы, – данная сумма означает потерянное вами время. Что вы на это скажете, господин Фузи?

Господин Фузи не сказал ничего. Он опустил в углу на стул и вытер платком лоб: ему стало жарко несмотря на холод.

Серый господин важно кивнул:

– Да, вы правы. Это составляет более половины вашего первоначального состояния, господин Фузи. Но теперь давайте посмотрим, что, собственно, осталось от ваших сорока двух лет. Один год – это, как вы знаете, сто тридцать один миллион пятьсот тридцать шесть тысяч секунд. Умножим это на сорок два и получим один миллиард триста двадцать четыре миллиона пятьсот двенадцать тысяч.

Он написал число под суммой потерянного времени:

Сон.....441 504 000 секунд

Работа.....441 504 000 секунд

Питание.....110 376 000 секунд

Мать.....55 188 000 секунд

Зелёный попугайчик.13 797 000 секунд

Покупки и т. д.55 188 000 секунд

Друзья, пение и т. д.....165 564 000 секунд

Тайна.....27 594 000 секунд

Окно.....13 797 000 секунд

ИТОГО:.....1 324 512 000 секунд

Он убрал графит и сделал долгую паузу, чтобы дать нулям воздействовать на господина Фузи.

И нули оказали-таки своё действие.

«Вот он – итог всей моей жизни», – подумал господин Фузи, чувствуя себя совершенно раздавленным.

Неумолимый счёт подействовал на него так сильно, что он принял всё без возражений. Да и счёт сам по себе был правилен – всё сходилось. Это был один из тех фокусов, с помощью которых Серые господа обманывали людей в тысячах случаев.

– Не находите ли вы, господин Фузи, – мягко начал агент ИКС (384) б, – что такое мотовство недопустимо? Не хотите ли вы начать копить своё время?

Господин Фузи молча кивнул, сжав посиневшие губы.

Пепельно-серый голос агента всё ещё бубнил у него над ухом:

– Если бы вы начали двадцать лет назад сберегать в день хотя бы по одному часу, вы бы имели сегодня актив в сумме двадцать шесть миллионов двести восемьдесят тысяч секунд. Два часа сэкономленного за день времени дало бы вам, конечно, вдвое больше, то есть пятьдесят два миллиона пятьсот шестьдесят тысяч... Я спрашиваю вас, господин Фузи, что значит два пустяковых часика по сравнению с такой большой суммой?

– Ничего! – воскликнул господин Фузи. – Смехотворная мелочь!

– Меня радует, что вы это признаёте, – хладнокровно продолжал агент. – Если бы мы подсчитали, сколько времени вы сэкономнили бы при тех же условиях в течение других двадцати лет, то мы получили бы кругленькую сумму в сто пять миллионов сто двадцать тысяч секунд! И всем этим капиталом вы могли бы свободно распорядиться на восемьдесят втором году жизни!

– Грандиозно! – пробормотал господин Фузи, широко раскрыв глаза.

– Не спешите, – сказал Серый господин, – я вас ещё больше обрадую. Мы, то есть Сберкасса Времени, не только сохраняем вам сэкономленное время, но ещё и выплачиваем проценты. Это значит, что в действительности вы сэкономили бы намного больше.

– Сколько? – спросил господин Фузи, затаив дыхание.

– Всё зависит от вас, – объяснял агент, – смотря сколько вы собираетесь накопить и на какое время вы оставляете накопленное у нас.

– Оставить у вас? – переспросил господин Фузи. – Как это понять?

– Очень просто, – сказал Серый господин. – Если по истечении пяти лет вы не потребуете ваше время назад, мы приплатим вам ту же самую сумму. Ваше состояние удваивается каждые пять лет, понимаете? Через десять лет это составит четырёхкратное от первоначального, через пятнадцать – восьмикратное и так далее. Если бы вы начали копить двадцать лет тому назад ежедневно по два часа, то к шестьдесят второму году жизни, то есть по истечении сорока лет, вы имели бы в своём распоряжении двухсотпятидесятишестикратное сэкономленное время. Это составило бы двадцать шесть миллиардов девятьсот десять миллионов семьсот двадцать тысяч.

Он вновь достал графит и нацарапал на зеркале:

26 910 720 000 секунд.

– Вы сами видите, господин Фузи, – сказал он и впервые скупно улыбнулся, – что это более чем в десять раз превышает всё отпущенное вам первоначально время жизни. И это при экономии только двух часов в день! Подумайте, стоящее ли это предложение.

– Стоящее! – обессиленно изрёк господин Фузи. – Без сомнения! Мне не повезло, что я раньше этим не занялся. Только сейчас я всё понял и признаюсь вам: я в отчаянии.

– Для отчаяния нет никаких оснований, – мягко возразил Серый господин. – Никогда не поздно. Если вам угодно, можно начать хоть сегодня. Вы увидите: дело того стоит.

– Ещё бы! – вскричал господин Фузи. – Что мне делать?

– Но, дорогой мой, – ответил агент, подняв брови, – вам, наверное, известно, как экономится время! Вы просто должны быстрее работать и не делать ничего лишнего. Своим клиентам посвящайте вместо получаса только пятнадцать минут. Избегайте крадущей время болтовни. Час у матери сократите до получаса. Лучше всего отдайте её в дешёвый дом для престарелых, где о ней будут заботиться, тогда вы выиграете ежедневно целый час. Ликвидируйте ненужного попугайчика! Посещайте фрейлейн Дарию только раз в две недели, если это вообще необходимо. Отбросьте ежедневные размышления у окна и – главное – не тратьте драгоценное время на пение, чтение и на ваших так называемых друзей. Между прочим, советую повесить в парикмахерской хорошие настенные часы, чтобы контролировать работу вашего ученика.

– Хорошо, – согласился господин Фузи, – всё это я могу сделать, но с оставшимся временем – что я с ним буду делать? Должен я его куда-нибудь сдавать? Но куда? Или сохранять? Как всё это делается?

Серый господин улыбнулся во второй раз:

– Можете спокойно предоставить это нам. Будьте уверены, что из сэкономленного вами времени мы не потеряем ни секунды. Вы увидите, что ничего лишнего не останется.

– Значит, хорошо, – обалдело пробормотал господин Фузи, – значит, я полагаюсь на вас...

– Будьте покойны, мой дорогой, – сказал агент и встал. – Итак, я могу поздравить многочисленную общину Сберкасы Времени с новым членом. Теперь вы, господин Фузи, действительно современный, прогрессивный человек. Мои наилучшие пожелания!

Он взял шляпу и портфель.

– Одну минуточку! – крикнул господин Фузи. – Разве нам не надо заключить какой-нибудь контракт? И я не должен ничего подписать? Получу ли я какой-нибудь документ?

Агент ИКС (384) б повернулся в дверях и окинул господина Фузи с головы до ног презрительным взглядом.

– К чему? – спросил он. – Накопление времени не сравнимо ни с какими другими накоплениями. Это дело полнейшей доверительности с обеих сторон. Нам достаточно вашего согласия. Оно необратимо. О накопленных вами сбережениях мы позаботимся. Но сколько вы сбережёте, это целиком зависит от вас. Мы вас ни к чему не принуждаем. Будьте здоровы, господин Фузи!

С этими словами агент сел в свой элегантный серый автомобиль и укатил.

Господин Фузи долго смотрел ему вслед, потирая лоб. Постепенно ему становилось теплее, но он чувствовал себя больным и жалким. Сизый дым маленькой сигары агента не рассеивался и ещё долго висел в помещении густым облаком.

Только когда дым растаял, господину Фузи стало лучше. Но по мере того как таял дым, бледнели и числа на зеркале. И когда они наконец совсем исчезли, потухло в памяти господина Фузи и воспоминание о Сером посетителе – о посетителе, но не о решении! Это решение он воспринимал теперь как своё собственное. Намерение экономить время, чтобы начать в будущем другую жизнь, засело в его душе, как жало рыболовного крючка.

И тогда появился первый в тот день клиент. Господин Фузи мрачно обслужил его, не позволив себе ничего лишнего, молчал и кончил не через полчаса, а через двадцать минут.

Так он поступал отныне с каждым клиентом. Его работа больше не приносила ему удовольствия, да это и не имело уже никакого значения. Он нанял ещё двоих учеников и строго следил за тем, чтобы они не теряли ни секунды времени. Каждое движение было рассчитано. В парикмахерской господина Фузи висела теперь табличка с надписью: «СБЕРЕЖЁННОЕ ВРЕМЯ – ДВОЙНОЕ ВРЕМЯ!»

Фрейлейн Дарии написал он короткое, деловое письмо – что из-за недостатка времени больше к ней не придёт. Попугайчика он продал в зоомагазин. Мать он поместил в дешёвый дом для престарелых и посещал её там раз в месяц. И вообще он выполнял теперь все советы Серого господина, – советы, которые считал своими собственными решениями.

Он становился всё нервнее и беспокойнее, ибо странно: от времени, которое он выгадывал, ему ничего не оставалось. Это время странным образом исчезало. Дни сначала незаметно, потом всё более ощутимо укорачивались и укорачивались. Не успевал он оглянуться, как наступала новая неделя, новый месяц, год, и ещё год, и ещё...

И так как Фузи больше не вспоминал о посещении Серого господина, он должен был бы всерьёз спросить себя, куда его время, собственно, девается? Но этого вопроса он себе никогда не задавал, как и все другие члены Сберкасы Времени. Его охватила какая-то одержимость. И когда он иногда со страхом замечал, как всё быстрее и быстрее проносятся его дни, он ещё ожесточённее экономил время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.